

Нельзя быть лакеем

— Пиво будешь?
— Да я вообще не люблю
этот напиток...
— Ага, значит, будешь.
— Я и пить-то его не умею...
— Я и сам не умею.
Сейчас научимся.

Евгения ЛЯГУШИНА

Так я поняла, что такое харизматическая личность. На протяжении десяти лет никто из моих друзей и знакомых не мог заставить меня прикоснуться к кружке пива, а тут... пара фраз — и мы вместе с Александром Шалвовичем Пороховщиковым сидим в буфете Дома кино и потягиваем янтарную пенящуюся жидкость. «Вот он, механизм воздействия мужской энергетики», — подумала я, и немедленно поняла, отчего в сознании зрителей образ Пороховщикова так сильно связан с тем, что обычно называют благородным представителем мужского пола или просто джентльменом. Дело даже не в характерах сыгранных ролей, а в обволакивающем его облаке надежности.

— **Насколько соответствует действительности образ нордического мачо, этакое универсального супермена?**

— Да ну, какой я супермен, я совершенно спокойный, нормальный человек...

— **Ничего, супермены тоже бывают нормальными.**

— Вообще я, конечно, никогда об этом не задумывался, просто всегда любил сильные натуры. И потом, должен сказать, что в принципе всегда стараюсь оставаться естественным.

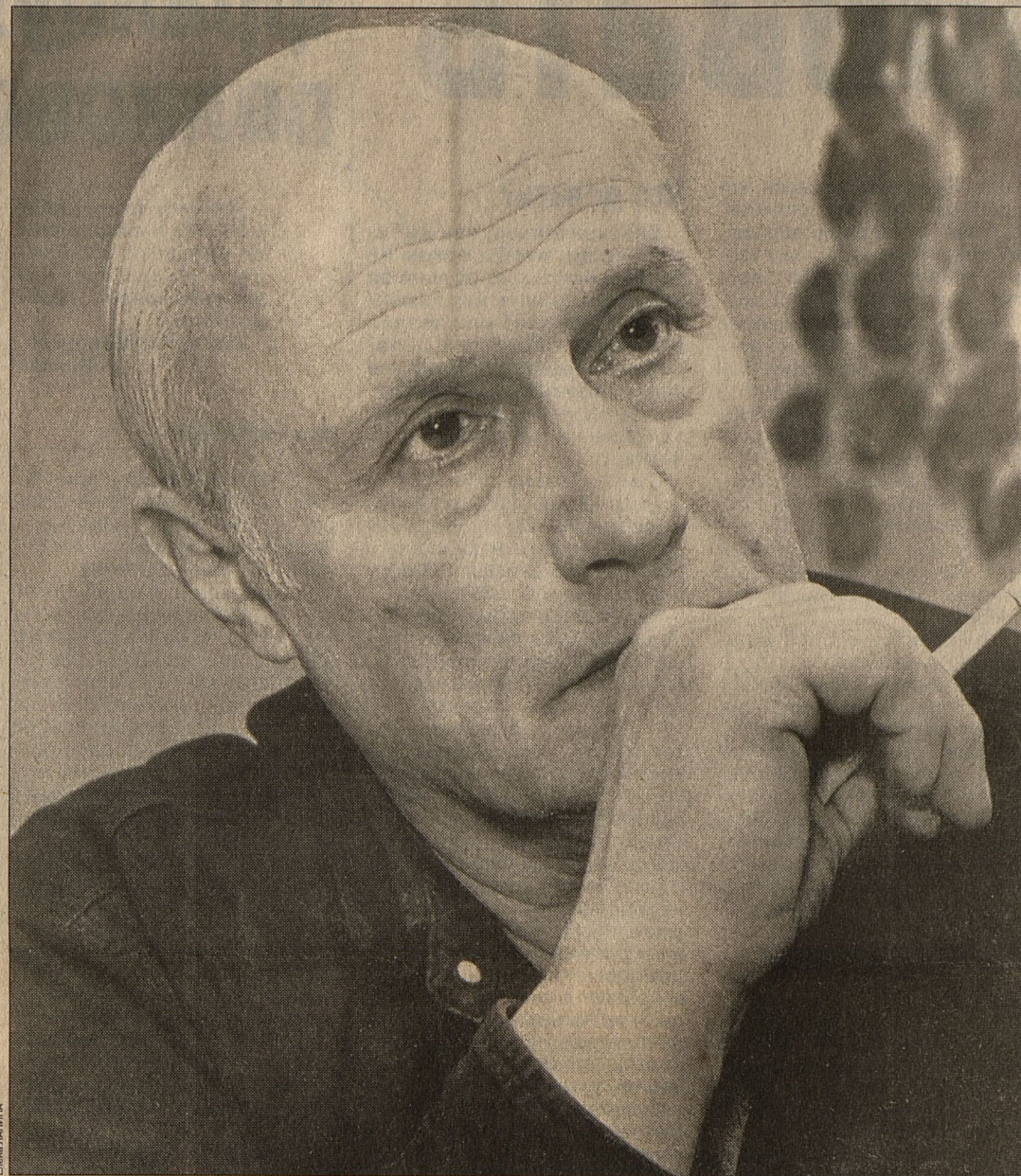
— **То есть все-таки ваш образ — по сути, проекция вашего характера?**

— Ну как, где-то нужно было приспособливаться, искать компромиссы, но всегда старался их избегать, а это, сама знаешь, как тяжело. И в профессии редчайшими были случаи, когда я позволил себе сниматься в фильмах, к которым в обычных условиях предпочел бы не иметь никакого отношения. Дело в том, что в это время у меня уже заболела мама и были нужны деньги на лекарства, а воровать я не умею и не хочу. Поэтому я наступал себе на горло... но в 1997 году мой свет остался без моей любимой мамы, хотя Ира, моя супруга, мне ее почти заменила. Но, как известно, маму совсем заменить нельзя. Хотя они очень похожи. Но самое страшное в жизни — не уход близкого человека, хотя, безусловно, это переживается очень тяжело. Дело в том, что с моей мамой ушла вся информация. Больше мне никто ничего не рассказывает...

— **?**
— Все родные, которые остались, моложе меня, и из той сказки детства мне никто ничего не расскажет: какой я был, какие сложности, какие радости, где я был с волосами, где облысел, — смеется Александр Шалвович.

— **Вы достаточно много говорили в прессе о своем дворянском происхождении. Как, по вашему, истинные джентльмены чаще рождаются в аристократических семьях или такой зависимости нет?**

— Об этом я никогда не задумывался, и мне все равно, из какого я рода, потому что аристократизм присущ не только интел-

лигенции или столбовым дворянам. Потомственный крестьянин или рабочий, имеющий за плечами несколько поколений профессиональной династии, не менее интеллигентен. Иногда смотришь старые крестьянские фотографии и думаешь: какие лица! Недаром из них ломоносовы выходили. А сейчас ты ломоносовых много встречаешь?

— **Ну, в общем, встречаю. Сейчас много гениев развелось.**

— Может быть, постепенно появляются, будем надеяться. Как сказал Островский: «В природе все кругообразно: то вознесет, то опять опустит. Так вот и крутимся».

— **Александр Шалвович, как вам идея стирания границ между полами?**

— Если человек хочет мыслить себя в категориях «оно», то ради бога, только не надо меня в это втягивать. Я хочу быть мужчиной, а не каким-то бесполом существом.

— **А как же мифический андрогин, слияние двух половин в одно целое? Этот идеал вам не близок?**

— Нет, мне близок идеал Ромео и Джульетты.

— **Какие алкогольные напитки предпочитаете?**

— Все люблю. Особенно натуральные — самогон, наливки, а так — виски со льдом предпочитаю. Но в последнее время врачи запретили.

— **И чем заменяете?**

— Коньячком. Или люблю смотреть на женщин. Вот и все. Ваше

племя вдохновляет. Когда жена не видит, — смеется он, — я на вас из-за угла поглядываю.

— **А когда видит?**

— Тогда не поглядываю. Только на нее смотрю. На самом деле, самые прекрасные явления в жизни — это музыка и женщины, больше ничего.

— **А с музыкой что вас связывает?**

— Я занимался музыкой довольно серьезно. Учился в Челябинске, у нас даже группа была, тогда это называлось «эстрадный ансамбль». Играл на ударном инструменте, немножко на аккордеоне, даже на деревяшках ритм отбивал.

Идеальный альпинист для меня — это тот, у которого никого на свете нет. Пусть обретают статус одиночества, тогда и лазают на здоровье

— **А сейчас отбиваете?**

— Сейчас времени нет. Рояль простаивает. С тех пор как мамы в девяносто седьмом году не стало, я первый раз подошел к роялю недавно и попытался что-то сыграть. А все это время даже не притрагивался, да и аккордеон пылится заброшенный...

— **Может быть на концерты ходите?**

— Нет, на концерты времени

нет, но музыку слушать безумно люблю. И не отдаю предпочтения чему-то одному — люблю все сильное, талантливое. В кино, в литературе критерий тот же самый. Главное, чтобы на меня действовало. Я должен меняться, должен ненавидеть то, что происходит, скажем, на экране, или, наоборот, просто рваться туда. Или расплакаться. То есть со мной что-то должно происходить, желательно в лучшую сторону. Негатива и так вокруг много. Жизнь, по сути, прекрасна, но в то же время она страшная. Вот сейчас сидим, улыбаемся, а достаточно сделать шаг в сторону, и ты можешь попасть на другой транспортер, и он тебя потащит.

— **То есть у вас больше не научный, а мистический интерес, так?**

— Да, я в мистику верю. Немало подтверждений было лично у меня по поводу некоторых примет и поверий. Если зеркало разобьешь — это точно к болезни, или даже к смерти близкого человека. Все подтверждается. Я два раза тонул, и кто меня вытащил оба раза — одному Богу известно. Кругом на расстоянии девяти километров ни одного человека не было, а я очнулся на берегу, руками от моря. Как? Не понятно. Помню, как водой захлебываться стал и потерял сознание, а там видел не тоннель, как обычно описывают, а какое-то пятно, и оно с такой скоростью несло, что даже определить не могу. Это называется «бесконечность».

К тому же я патологически интересуюсь клонированием. Величайшее открытие. Если бы у меня была возможность, я бы свою маму оживил. Пускай маленькая была бы, может, и ее собственное «я» было другое, так как оно — составляющая жизненного опыта, а может, генетически сохранился бы и опыт...

— **А своего клона хотели бы создать при жизни?**

— Своего? Я в принципе из тех, ктои на Луну бы полетел, если бы

— **Вы не так давно женаты?**

— Двадцать пять лет уже, правда, расписались недавно.

— **Почему потребовалось некоторое время, чтобы она согласилась?**

— Дело в том, что я тоже никогда не был против, но сам факт, что я должен расписываться, сообщать кому-то о своих намерениях, мне не нравился. Бог соединил нас, и этого достаточно. Мы венчались в церкви, и это не дань моде. Но когда я одел Ире колечко на палец, она в обморок упала. Потому что она ребенок по натуре, такой и останется, и за это я ее люблю. Просто чистый человек, и у нее все время была эта надежда. Теперь я знаю, как мы бываем иногда жестоки и слепы, если не читаем мысли близкого человека.

— **В таком случае вы ей безумный подарок сделали.**

— Это я, скорее, себе подарок сделал.

— **Александр Шалвович, вы хулиганить любите?**

— Люблю дурачиться. Если кому-то кажется, что я суровый такой, то это не верно. Никакой я не суровый, люблю посмеяться, я незлобивый человек. Во всем есть смысл, если хочешь поддураться — дураться. Если хочу с детьми в песочнице играть — буду играть. Пусть говорят, вон дядя лысый сидит, ну а мне там приятно!

— **И в зоопарк, наверное, ходите?**

— Раньше ходил. Сейчас времени нет. Но если заглянешь, на одни глаза зверей только посмотришь, а там — слезы! Это уже перестает быть развлечением.

— **Хорошо, а что вас может развлечь?**

— Развлечь? Космос. Я им безумно увлекаюсь и чувствую его. У меня все отчетливее ощущение, что скоро, слава богу, прилетят хозяева, инопланетяне. И расскажут нам, как себя вести. Я стопроцентно убежден, что в этом веке встреча состоится. И вообще, космос для меня — это все: и творческий космос, и космос в любви, то есть, грубо говоря, масштаб.

— **То есть у вас больше не научный, а мистический интерес, так?**

— Да, я в мистику верю. Немало подтверждений было лично у меня по поводу некоторых примет и поверий. Если зеркало разобьешь — это точно к болезни, или даже к смерти близкого человека. Все подтверждается. Я два раза тонул, и кто меня вытащил оба раза — одному Богу известно. Кругом на расстоянии девяти километров ни одного человека не было, а я очнулся на берегу, руками от моря. Как? Не понятно. Помню, как водой захлебываться стал и потерял сознание, а там видел не тоннель, как обычно описывают, а какое-то пятно, и оно с такой скоростью несло, что даже определить не могу. Это называется «бесконечность».

К тому же я патологически интересуюсь клонированием. Величайшее открытие. Если бы у меня была возможность, я бы свою маму оживил. Пускай маленькая была бы, может, и ее собственное «я» было другое, так как оно — составляющая жизненного опыта, а может, генетически сохранился бы и опыт...

— **А своего клона хотели бы создать при жизни?**

— Своего? Я в принципе из тех, ктои на Луну бы полетел, если бы

сказали, что без тренировки, без репетиций, завтра, Александр Шалвович, надо вылетать. Единственное, что меня может сдерживать, — это люди, которые будут за меня переживать. Тогда я не полечу. Это не рисовка, а то же самое, что альпинисты, покоряющие вершины, которые лезут на гору, а в городе их семьи переживают и льют слезы. Они демонстрируют не храбрость, а жесточайший эгоизм. Идеальный альпинист для меня — это тот, у которого никого на свете нет. Когда никого нет, то замечательно лазать по всяким ущельям и вершинам. Пусть обретают статус одиночества, тогда и лазают на здоровье.

— **По-моему, вы весьма экстремально настроены.**

— Я, кстати, очень заводной человек, очень легкий на подъем.

— **И куда вас можно поднять?**

— Куда угодно, хоть в Африку, если позовут. Но у меня сейчас несколько другие задачи.

— **Какие?**

Стараюсь довести до ума родовой особняк в Староконовском переулке, который нам отдали на 40 лет в аренду. Хочу создать там музей моего деда, прадеда. Но, разумеется, не только это. Основное, что мы хотим восстановить, — это атмосфера доброты. Хотим устроить театр детской игрушки, международный вечер бомжей. Это же кайф!

— **А что потрясло за последнее время?**

«Покаяние». Великая картина, просто шедевр. Я своим студентам говорю: если вы этого не видели, можете ставить в голове прочерк. Так же, как и «Мефисто». Здесь немецкий режиссер говорит о становлении фашизма (как художник помогает укреплению режима) и о том, как потом его же растирают. Как не надо быть лакеем идеологии. На сегодня это очень актуально, потому что сейчас у нас очень много талантливых товарищей, которые трут в Кремле... Не надо этого делать.

— **Кстати, о фашизме. Вы отдаете должное Гитлеру как сильной личности?**

— Конечно. Гитлер — гениальная личность, Сталин — гениальная личность, только я воспринимая их дела как сатанинские. Сталин и Гитлер — по сути одно существо, как две стороны медали. Очень неприятно, когда начинают представлять их этикими ущербными личностями. Ничего подобного. Это мы ущербны, если можем позволить себе так думать о людях, которые, по сути, создали свою религию. Ведь скажем, Германия того времени пережила наивысший подъем. Хотя, разумеется, это не снимает с нее вину.

— **Вы считаете сейчас нам нужна свобода или тоталитаризм?**

— А сейчас нет никакой свободы. Еще великий Булгаков сказал, что России может спасти либо монарх, либо жесточайший террор. Потому что у нас свободу воспринимают слишком своеобразно, сразу ноги на стол. Нет, голубчик, шапку надо снимать, когда подходишь к зданию: самодисциплина прежде всего. Получается почти по Достоевскому — у нас преступление все есть, а наказания нет. Нужен этот процесс наказания. Но хочется надеяться, что в этот век, век Водолея, обстановка хотя бы немного изменится. Тем более я и сам Водолей, это мой век.

К нему подходят люди, общаются, оставляют телефоны... Мне кажется, выстраивается какое-то подобие очереди, чтобы просто поздороваться с Александром Шалвовичем. И это удивительно, потому что наслаждение от общения гарантируется одним только присутствием А. Ш. Пороховщикова — джентльмена.